

ВИКТОР КОРОТАЕВ

СОЛНЕЧНАЯ СТОРОНА

КНИГА СТИХОВ И ПОЭМ

«СОВРЕМЕННОК» МОСКВА • 1975

Pz
K68

Коротаев В. В.

К68 Солнечная сторона. Стихи. М., «Современник», 1975.

160 с.

Человек труда — центральная фигура книги. Стихи и поэмы, составившие четыре раздела, рассказывают о деревенском детстве и солдатской юности поэта, о душевной щедрости и талантливости русского человека, о влюбленности в красоту земли, о повседневных заботах и радостях земляков-вологжан.

Поэме «Славянка» присуждена премия имени А. Фадеева.

К $\frac{70402-231}{M106(03)-75}$ 138—75

P2

ПРИСТРАСТИЕ

Прекрасно однажды в России родиться
Под утренний звон золотого овса!
Твое появление приветствуют птицы,
Сверкают, на солнце искрясь, небеса.
Пока, озабочены снами твоими,
Ромашки гадают о новой судьбе
И ветром достойное ищется имя —
Кукушка пророчит бессмертье тебе.
Еще и усы не подкручивал колос —
Уже для тебя начались чудеса:
Тебе ручеек предлагает свой голос,
А лен зацветающий — дарит глаза,
Свой смех — колокольчик,
Роса — свои слезы,
Прическу — густая, волнистая рожь,
И статность тебе обещает береза:
Когда пожелаешь,
Тогда и возьмешь.
Спешит к тебе каждый с особенным даром:
Бери, примеряй, запасайся, владей.
А плата... какая?
Расти 'благодарным
Да будь всюду верным
Природе своей.

Какая даль лежала предо мной...
Я, чувствуя причастность к ней и гордость,
Смотрел в нее и знал,

что за спиной

Не менее прекрасная простерлась.
Светило солнце светом поздних сил,
Леса роняли медленно убранство,
И белый храм, как облако, парил
И озарял дремавшее пространство.
«Россия! Как легко с тобой вдвоем», —
Шептал я и взывал к кому-то: «Братцы,
Пока мы эту землю не пойдем,
Нам до конца в себе не разобраться».
Последних журавлей печальный клич
Катился в светозарную безбрежность...
(А мы не можем до сих пор постичь,
Откуда в нас такая боль и нежность.)
Река горела сдержанным огнем,
Над нею глыба каменная стыла...
(А мы себе вопросы задаем,
Откуда наше мужество и сила.)
На горизонте высились бугры,
И дальше заслонялось диском солнца
То, что пока в нас дремлет до поры,
Но все равно когда-то
Отзовется...

Не вдруг и не сразу поймется —
Мы к мерам привыкли иным, —
Что меньше различий,
Чем сходства,
Меж морем
И полем ржаным.
Пусть больше простора и воли
У белых вдали кораблей...
Но море —
 такое же поле,
Которое кормит людей.
Здесь то же тяжелое небо
И те же седые века,
И вкус одинаков у хлеба
Крестьянина и рыбака.
Работа?
Понятна работа
И славна во все времена,
Ведь солью рыбацкого пота
Набрякла морская волна.
Связуя и воду и сушу,
Работая в поте лица,
Им равно здоровье и душу
И жизнь
Отдают до конца.

Я для сосен, видно, создан,
для осинников,
Для полянок,

где горланят косачи.

Почему ж я не шатаюсь по России,
По-пастушески штанины засучив?
Я бы ягод не давил, налитых грозами,
Не заслуживал березовых светлиц,
На рябинах угнездившиеся звезды
Не сшибал бы из рогатки,
Как синиц.

Лучше в сумерках бы я, орешки щелкая,
Речи тайные деревьев и светил,
Разумеется, в соавторстве с трещоткой
На язык стиха

шутя переводил.

Погрустив, что люди песен не заметили,
Я общипанному в драках петуху,
Ночевать расположившись на повети,
Всю бы душеньку раскрыл
Как на духу.

Но опять меня — на радость ли, на горе ли —
Наставляет тесть мой будущий, хрипя:
«Ты служи-ко чередом

в своей конторе,

Коли хошь,

чтоб отдал дочь за тебя».

Он в глубоком блюде рыбу ловит ложкою,
Он поверх очков глядит,

неумолим:

«Находились мы
 в резиновых сапожках,
Мы теперь
 мягких тапочков хотим».

И, мудря над закоптевшей керосинкою,
Желтым пальцем
 тычет в милую мою:

«Вон теперь
 твоя кудрявая осинка,
Сызмалей росла
 в осиновом краю».

И — отложено с деревьями свидание.
Только я и на огне не отрекусь,
Что была и есть моя исповедальня —
В петухах и подберезовиках
Русь.

Какое все-таки блаженство
В траве раскинувшись лежать,
Ни словом суетным,
Ни жестом
Движенью жизни не мешать.
Когда, забыв о прежних муках,
Довольный всей своей судьбой,
Зеленый мир
В цветах и звуках
Стоит, как праздник, пред тобой.
Пускай в листве большого дуба,
Перебирая дни свои,
Как мужики,
 свежо и грубо
О жизни судят воробьи.
И в ожиданье белой ночи
Благоухает белый сад.
Пускай кузнечики стрекочут,
Жуки навозные ворчат.
И не пугает слишком ныне
Средь неизбежных перемен,
Что смерть когда-то все отнимет
И ничего не даст взамен.
Пусть лучше думается смело —
И прежде прочего всего, —
Что в жизни делается дело
Не без участия моего.
Что этот свет мне все дороже,
И я ищу все больших дел
Не потому, что стал моложе,
А потому, что не старел.

* * *

Музыка льется с небес
В светлые горницы полдня.
От удивления лес
Ушки топориком поднял.
Не оборвется игла
Неосмотрительно с елки,
Даже листва замерла
И колокольчики смолкли.
Выйдя из хвойных глубин,
Высшей покорные силе,
Все ручейки, как один,
Вдруг язычки прикусили.
Музыка льется смелей
В ясные горницы мая,
Видно по ликам детей:
Вправду она не земная.
И потому допоздна,
В такт головою кивая,
Только сама тишина
Тоненько ей подпевает.

Лишь петухи стряхнули сон

да,

Спросонок встрепаны слегка,
С зеленой ветки горизонта
Едва вспорхнули облака, —
И сразу тронулось, вздохнуло,
Зевнуло сладко и тепло,
Прошелестело, промелькнуло,
Поосмелело — и пошло!
Июль сверкнул глазком лукавым
И потянулся, как дитя,
И расчесал хлеба и травы
Наклонным гребешком дождя.
Потом опять как бы сморился,
Притих, залез в свою дыру,
Но, что-то вспомнив, оживился,
Себя прихлопнул по бедру,
Взъерошил старую солому,
Перемахнул через забор
И ранним лучиком из дому
Ребенка выманил во двор.
Промел крылечко и дорожку,
Угнал подальше сенный пук
И воробьев полно лукошко,
Играя, высыпал на луг.
А мальчик жмурился от света
И все глядел на сеновал,
И для кого старалось лето,
Никак со сна не понимал.

* * *

Природа пробуждается от сна,
Не сразу обретает ясность взора.
Еще и ночь как будто не тесна,
И хочется рассветного простора.
Пока неясны шорохи в лесу,
И звон росы проходит мимо слуха.
Но от травинок щекотно в носу,
И шмель тепло гудит над самым ухом.
И сразу встать как будто нету сил,
И сладко так,
 и каждый мускул тянет.
Но как бы ветер пылью ни крутил,
Ее глаза ничто не затуманит,
Когда в озерах блещут караси,
И журавли протопали к болоту,
И муравьи,
 муравкой закусив,
Артелью дружной вышли на работу.
От певчих птиц прогнулась тишина.
Едва пробился первый лучик солнца.
Россия пробуждается от сна.
И то ли будет,
Как совсем проснется.

* * *

Река работала, как лошадь,
В оглоблях тесных берегов.
Она несла такие ноши,
Что мыло падало с боков.
Косилась охровая осень
На вороную масть воды,
И, как несмазанные оси,
Скрипели грузные плоты.
Река пыхтела от натуги,
Но все же, гордая судьбой,
Мосты железные,
Как дуги,
Несла высоко над собой.
И плотогоны в кепках пегих,
Со лба стирая пот рукой,
Стояли,
Будто на телеге,
Расставив ноги широко.
Река несла свой жребий стойко
И продолжала трудный путь,
Мечтая в бухте,
Словно в стойле,
Хотя б часок
Передохнуть.

В густой траве речной излуки,
Худа, тиха и пожила,
Закинув за голову руки,
Сморенно женщина спала.

Все ниже солнце опускалось,
И чай давно кипел в котле,
Но словно вечная усталость
Ее держала на земле.

И точно след какой-то муки
Ей брови вытемнил и свел.

И лишь закинутые руки
Светились,
Словно ореол...

В эти лучшие недели
Краткой северной поры
Мошки просто одолели,
Сокрушили комары.
На сарае, в поле, в доме,
На телеге, на пароме,
Утром, вечером, в обед —
Ни минуты спасу нет.
И в лесу, и у воды,
Словно злые духи,
Настигают оводы,
Налетают мухи.
Прожигают, жаля, спины,
Если тонко полотно.
К разным антикомаринам
Приспособились давно.
И на миг представить страшно,
Чтобы нас ждала за жизнь,
Если птицы вдруг однажды
Все бы враз перевелись.
Им по горло тут работы —
Велика нечистых рать.

...Перестаньте, идиоты,
Птичьи гнезда разорять.

РЫБАЦКОЕ

Вадиму Кузнецову

Прежде я не думал о коварстве,
А теперь в смущении большом.
Нынче все посты в подводном царстве,
Видимо, захвачены ершом.

Неспроста,

поднявшийся с восходом,

Сматывает удочки сосед:

«С этим расплодившимся народом
Просто никакого спасу нет».

Все слышней рыбацкие обиды,

Что, мол, за позор и срамота:

Только ими всюду и забиты

Лучшие в округе омуты.

Нет для них ни чести,

Ни управы,

Пятится от них и лещ и сом.

Налетают целою оравой:

Силы нет,

Тогда бери числом.

Лишь добычу высмотрят — и сразу

Напахнут, со дна взметая ил.

Я-то знаю этих лупоглазых,

Столько им добра перетравил...

Рвут, не чуя близкую расплату,

Рвут сегодня пуще, чем вчера.

Если солнце клонится к закату —

Для пиратов самая пора.

Но и мы не хлопаем ушами,

Радуетя грешная душа:

Полведра наполнено ершами —

То-то будет ушка хороша.

ДЕРЕВЬЯ

Отношусь к суеверьям с большим недоверьем.
Но опять слышу я

сквозь густой листопад:

Будто души загубленных мною деревьев

Под окошком моим, негодуя, скорбят.

На дорогах,

где грязью за волоком волок,

Чтоб трехтонку продвинуть

на лишний увал,

Я по локоть

откручивал руки у елок

И по талии

с хрустом березы ломал.

В сотый раз уморясь на проселках осенних,

Я старался не думать про совесть мою,

И рябине вонзал я топор

под колени,

А потом сапогами вминал в колею.

Как молилась осинушка в страхе великом!

Но без лишней тащил я ее суетни,

И она

запрокинутым теплым затылком

Колотилась, обмякнув,

о кочки и пни.

Я чернел.

Но деревья поникшие — снова

Я валил,

хоть и знал, что под небом глухим

Всем, что в душах у нас и осталось святого,

Мы обязаны в первую очередь

им.

* * *

Леониду Беляеву

О, если б мы, добры и чутки,
Смогли увидеть на момент
В сосне
Не будущие чурки,
А музыкальный инструмент.
В благодарении за светлый,
Хотя и мимолетный, взор
Она настроила бы ветви
На очищающий минор.
И, золотясь на свежей мете,
От счастья таяла б смола,
Когда бы мягко взялся ветер
За гриф певучего ствола.

Но все не тем забыты души.
И потому который год,
В себе обиженно замкнувшись,
Сосна шумит,
А не поет.

Пади да болота,
Гари да поля.
Мокрая от пота
Вечного земля.
Позабытый хутор,
Тощий сенокос.
Было здесь хлебнуто
Горького до слез.
Позади коряги,
Мертвая коса,
По бокам — овраги,
Впереди — леса.
Глина у сарая,
Камень у крыльца.
Только синь без края,
Звезды без конца.
Лишь подсохнет малость
Летом колея...
Не избаловалась
Родина моя.
Сыновья бесчисленно
Покидали мать:
Дальние почетней
Земли обживать.
Да и я не лишка
Тут вспахал полос...
Тот же все домишко
Смотрит на овес.
Но хотя бы — рядом
Жил, ходил, мелькал.

Может, добрым взглядом
Выжить помогал.
Разве же напрасно
В новом свете дня
Родина так ясно
Смотрит на меня!
Пусть, мол, ты во блажи
Клял меня и крыл,
Но и в мыслях даже
Мне не изменил!..

Раздетый лес шумит неподалеку,
Притихшую реку едва слышать.
По-бабьи подперев печально щеку,
Что, родина, задумалась опять?
Что смотришь на болезненную озимь,
На ветви обескровленных раки?
Да, это осень.

Понимаешь, осень,
Которая отрады не сулит.
От сырости простудной травы сникли,
И небосвод бессолнечен и гол,
А у тебя полблюдечка брусники
Да полный золотой листы подол.
А может, даже лучше в самом деле
Жить на корму подножном в шалаше,
Чтоб мелочи умом не завладели
И не мешали думать о душе.
Но только, восходя звездой вечерней,
В притихшие края

уже давно

Ни сладости,
Ни сна,
Ни облегченья
Раздумья не приносят все равно.
И, обреченно ждущая морозов,
Среди деревьев мрачных чуть дыша,
В далеких неприкаянных березах
Прощальным светом
Светится душа.

ЖЕЛЕЗНОЕ РУСЛО

* * *

Ребята из Средней России,
Впервые встающие в строй,
Надолго родные осины
Оставили вы за спиной.
Гражданская юность отстала,
Пропала в дорожной пыли.
В железное русло уставов
Вы входите, как корабли.
И надобно сделать немало,
Чтоб ветрами,
 бьющими вкось,
Вас в бурю на борт не бросало
И мачты рубить не пришлось...

Не чья-то властная немилость,
 От ровной жизни и тепла
 Жестокая необходимость
 Ребят в казармы привела.
 Надев казенные рубахи,
 Как это требует закон,
 Они исправно чистят бляхи
 И бьют подковами бетон.
 Не позволяя сердцу киснуть,
 С упрямством истых северян
 Неунывающие письма
 Ребята пишут матерям.
 Прилежно бодрствуют на вахте:
 Мол, что нам стоит — молодым.
 Но вдруг
 ржаной ломоть запахнет
 Росой и полюшком родным.
 Где, опоясавшись кустами,
 Избенка смотрит на овсы
 И звоном рюмочек хрустальных
 Звенят старинные часы.
 И мать, уняв свою кручину,
 Невыплаканную в ночи,
 Все щеплет звонкую лучину
 У нерастопленной печи.
 Воспоминания солдата
 Чинят нередко самосуд:
 Они под сердцем бьют как надо,
 И нервы рвут,
 И спины гнут.

А парни лишь считают годы
И слышат:
Боли не тая,
По ним режут гудки заводов
И сохнут травы
И поля.

УЧЕНЬЯ

Полк на рассвете поднят по тревоге,
Казарма оглушительно гремит,
И автоматы
В заданные сроки
Разобраны из длинных пирамид.
Вытаскивают ящики наружу,
Мотая вещмешками на горбе,
Товарищи по грозному оружию
И братья по неласковой судьбе.
Они несутся с хлюпаньем по грязи,
В сухой гортани сдерживая хрип,
И ходят на щеках противогазы,
Как жабры задыхающихся рыб.
Весь гарнизон поставлен на колеса,
И, словно в деле с нами заодно,
Деревья маскируются под осень,
А небо — под шинельное сукно.
А вездеходы мелют на опушке
Тенистую лесную тишину.

И дети
Забывают про игрушки,
Когда играют взрослые
В войну.

* * *

Такое катилось над горкой
Огромное солнце в тот день,
Что я распахнул гимнастерку
И сбросил казенный ремень.

Такая река возле мыса
Несла настороженный гул,
Что снял я пилотку,
Склонился
И грозной воды
Зачерпнул.

Такая трава от дороги
Звала, зеленея, в лесок,
Что сами
Натертые ноги
Вдруг выскочили
Из сапог.

И я засмеялся беспечно,
В траву молодую нырнул,
Впервые за целую вечность
Легко и свободно вздохнул.

Я жил
В самом верном понятии.
И пел в окружении скал.

**И, к счастью,
За этим занятем
Меня старшина
Не застал.**

**...Я, может, здесь
впервые научился
Перед порогом
ноги вытирать.**

Казарма пахнет не духами,
Не ландышем после грозы.
Казарма пахнет сапогами
Из густо смазанной кирзы.
Казарма пахнет жестью банок
С ружейным маслом пополам
И прелью саржевых портянок,
Царящей ночью по углам.
Не первым потом гимнастерки,
Подзолом тропки полевой
И зноем стрельбища
И горьким,
Горелым порохом его.
Эпохой призванные дети,
Мы дышим этим — без нитя —
Державным запахом столетья
И кислородом бытия.
Им,
 как огнем пещерный предок,
Мы дорожим не оттого,
Что нам
Черемуховых веток
Любее
 аромат его.
Но только с ним и нерушимы
Волнующие нам сердца,
И свежесть матовых кувшинок,
И острый запах чабреца.

Нынче снова дождь хлестал по окнам,
И опять, тоскою обуян,
Всю-то ночь ворочался под боком,
Маясь, Ледовитый океан.
Видно, и ему, своим туманом
Простужающему города,
Сквозняки осенних расставаний
Тоже не проходят без следа.
Потому мне так понятны нынче,
Как ты их умело ни таи,
Милые, застенчиво-девичьи
Страхи немудреные твои.
Да и я в прощальное свиданье
Отшутился на твою слезу:
«Самых синих северных сияний
Я тебе на платье привезу».
Добрая, прости мне эти муки,
Не суди за нынешний уход.
Снегом затянувшейся разлуки
Трижды георгины занесет.
И пойми, что к сопкам нелюдимым
Не от глаз твоих я убежал:
Просто до тебя, моей любимой, —
Я себя России обещал.

И даже если в гнев Север Крайний
Особенно со мной бывает крут —
Поленницы моих воспоминаний
Оберегают сердце от простуд.
Я дни перебираю,

как полешки,

И вижу:

сквозь березовый дымок

На солнечном луче поющей лески

Затрепетал несчастный окунек.

Все новые полешки пламя лижет —

И в чашу тропка мшистая течет,

Где в двух былинках заблудился рыжик

Величиною с медный пяточок.

Там в ноздри бьет

окрепнувший с годами

Брусничный и черемуховый дух

И вспыхивают росы,

опадая

На розовые блюдечки волнух.

А в плесах,

как игрушки из бересты,

Беспомощными шеями крутя,

Перед рассветом

выводки утят

С лапушек влажных

склеывают звезды.

...Но вот казарма храпом забасила —

И оборвали ток тетерева.

Я говорю поленницам спасибо

За жаркие и яркие дрова.

Ему под пулю надо —
Первым
Подставить голову свою.
...О мама, если к нам случайно
Зайдет солдатик, то — прошу —
Ты напои трудягу чаем
И Расскажи, где я служу.

СОЛДАТСКАЯ ШУТКА

Нам с тобой совсем немножко
Дослужить до дому:
Только тыщу раз в сапожки
Впрыгнуть по подъему.
По земле своей хорошей
У себя в Союзе
С пол-экватора — не больше —
Проползти на пузе.
До гулянок и тальянок
Дослужить нам малость:
Лишь пятнадцать пар портянок
Истолочь осталось.
Тридцать три хрустящих трешки
Отovarить надо
Да вагона три картошки
Оскоблить в нарядах.
Ну, и среди иных и прочих
Редких удовольствий
Стрескать жареной тресочки
Метров девяносто.
А в конце всего за чаем,
Разгоняя скуку,
Обсудить:
А не начать ли
По второму кругу?

Матери рожают не солдат,
Матери рожают хлеборобов,
Докторов,
врачующих хворобы,
Скрипачей,
что так светло грустят.
Путь ребят осмыслен и велик.
Но однажды
От смычков и книг
Забирают их военкоматы,
Вот и получают — солдаты.
Привыкают мальчики к стрельбе,
Роят землю,
Мерзнут у орудий,
Зная, что солдаты —
это люди,
Не принадлежащие себе.
Но шинель не навек тяжела,
Парни к пирогам и чайным блюдам —
Нет войны —
когда-нибудь вернутся,
Только бы судьба не подвела.
Матери ж,
надеясь, что сынки
Вырвутся под праздник ненадолго,
Чинят их рубашки и футболки
И опять утюжат пиджаки.
Спят.
И снова ждут своих ребят.
Страшно не дожидаться им однажды.

**Потому,
 любви и мира жаждая,
Матери
Рожают
Не солдат.**

* * *

Месяц в небе, как странник горбатый,
Ночь просторна, тиха и ясна.

Уморясь, засыпают ребята
В предвкушенье хорошего сна.

Им приснится лицо молодое,
И коснется щеки невзначай
Материнской шершавой ладонью
Одеяла суконного край.

Спят ребята светло и устало.
Завтра утречком

в царстве своем,

Старшина,

с разрешенья устава

Задержи на минутку подъем.

Пусть они постоят на пригорке,

Пусть растают в цветочной дали

Их

в два яруса

жесткие койки,

Как двухпалубные корабли.

Дай парням подышать свежей смолкой.

Ты ведь знаешь, как старый солдат,

Что армейские сны еще долго

Будут дома тревожить ребят...

* * *

Мир стал объясним и обычен:
И воды колючи в ручьях,
И красные перышки лычек
Горят на сержантских плечах.
И сам я,

за долгое лето

Протопавший столько дорог,
Давно позабыв про штилеты,
Не чувствую веса сапог.
Повянув от пыли и зноя,
На четверть стесав каблуки,
В суровой гармонии строя
Звучат и мои сапоги.
Угрюмым терпеньем заряжен,
Давно не ропщу на удел.
Уже, не соврав, и не скажешь,
Что мало я каши поел...

ПОСЛЕДНИЕ САПОГИ

Вчера старшина, не коробясь,
Усвоив, что выношен срок,
Мне выдал под личную роспись
Последнюю пару сапог.
На них поглядев мимоходом,
Грустнели опять и опять
Ребята, которым три года
До праздника этого ждать.
И я с холодком незнакомым
Подумал, робея слегка,
Что вроде дорога до дому
Теперь уж не так далека.
Последняя пара кирзовых,
Скрипучих товарищей новых,
Отделанных как на заказ.
На крепких железных подковах,
Поставленных в угол

и снова

Примерянных за ночь не раз.
О, сколько подметок и нервов
Пришлось измочалить в пути,
Чтоб к этим, обычных размеров,
Гвардейским сапожкам прийти.
О, сколько еще будет надо
По грешной земле колесить,
Скользить, подниматься и падать,
Чтоб их до конца доносить.
Но, преодолая усталость,
Любимая, помни итог:
До нашего счастья осталась
Последняя пара сапог.

Еще притихшим и помятым,
Впервые выстроеным в ряд,
Нам говорили: «Вы — солдаты» —
Так новобранцам говорят.
«Вы — будет надо — боль и жалость
Должны забыть в горниле дня», —
А мне по-прежнему казалось,
Что это все не про меня.
С тех пор, чураясь мысли мелкой,
Присягу помня назубок,
Я истрепал до дыр шинелку
И пыль собрал со ста дорог.
От шуток собственных в восторге,
Теперь не вставит бодрячок,
Что предпочел я гимнастерке
Миролюбивый пиджачок.
Я в грудь себя не бил без толку,
Но, обнаруживая пыл,
По курсу совести и долга
Пока Отечеству платил.
И после той защитной робы
Едва ли я всерьез грешу,
Что с наслаждением особым
Рубашки штатские ношу.
Но вспомянет эфир про битвы
И скрип походного ремня —
Как полоснет по сердцу бритвой:
Ведь в песне что-то
Про меня.
На зов трубы, что стала вехой,
Воспоминанья полетят,

И отзовется, словно эхо,
Во мне неумерший солдат.
А позовет язык набата
Спасать Россию от огня —
На битву встанут все солдаты.
...И это
Тоже про меня.

Под небом полярным, где глухо и топко,
Стоит на часах караульная сопка.

Над нею плывут облака и туманы,
За ней наблюдают посольства и страны.

И к ней же — на грани взрывного момента —
Прикованы взоры всего континента.

Под сопкой скрипят беспокойные елки,
И воют зимой одинокие волки.

Она не задремлет под ветрами с моря,
Поскольку давно в постоянном дозоре.

Бессменно стоять на окрайке болота —
Такая у ней на сегодня работа.

...Давно я, поверив в солдатскую дружбу,
Закончил свою караульную службу.

Но станет порой мне тревожно и знобко,
Лишь вспомнится та заполярная сопка,

Где в гулких казармах, в жаре и метели,
Кленовые годы мои отгорели.

Но как бы ни сетовал я на усталость —
Я нынче в запасе, а сопка осталась.

Я в бороздах резких всю жизнь ее вижу,
Но словом слезливым ее не унижу.

Ведь миру служить — пусть и возле болота —
Достойная в общем судьба и работа.

ПОРА

ЖРЕБИЙ

Живу в этом мире. Живу.
О, как мне непросто живется.
Глядят сквозь меня в синеву
Разверзнутой пастью колодцы.
Растут сквозь меня не спеша
В суставах окрепшие травы,
С целительным соком смешав
Снедающий пламень отравы.
И каждая боль их, остра,
Пройдя по моим волокнам,
Как хряский удар топора,
Под пятым ребром отдается.
Я в почву, как дерево, врос.
И, словно подавшись из кочек,
Земная скрипучая ось
Прошла через мой позвоночник.
К Венере уйдут корабли
От русского смеха и грусти,
И только меня от Земли
Земля никуда не отпустит.

И уважение, и честь,
И дух достатка обитает...
Как будто все, что надо, — есть,
Все.

А чего-то не хватает.
И по колдобинам не лень
Трястись и прыгать по кореньям,
Но хоть на месяц,
Хоть на день
Скорей —

из города в деревню.

Где ты неведом никому,
И потому
В полночной дреме
Не угадать,
В каком дому
Тебе постеляют на соломе.
Ты утром выглянешь в окно,
Услышишь дальний звон уздечки,
Увидишь сгнившее гумно
И чистый ельник возле речки,
Пройдешь осокою к пруду
И посветлеешь снова взглядом:
Тут все, что надо, —

на виду,

А больше ничего не надо.

Я в прошлое гляжу нередко,
Стремясь вернее угадать
Тех бородатых наших предков,
Что жили в давние года.

Работой выпитые лица,
Глубокий и тяжелый взгляд,
И злые острые ключицы
Из-под худых рубах
Торчат.

«Эх, доля наша...
Чтоб те сгнуть!» —
А в голосе такая грусть!
Они плюют и горбят спину,
Ругая нищенскую Русь.

Но стоит только им прослышать,
Что вдруг с какой-то стороны
Сосед
с несметным войском вышел,
Поганя земли их страны...

Они, свои отринув беды,
Опять берут доспехов груз —
И бьют татар
И рубят шведов
За эту самую же Русь.

Им наша Русь
Из дальней дали
Светила светом молодым.
И коль они
 за ту стояли,
То мы
 за эту постоим.

РОССИЯ

Ты в белых реактивных дымах
И громе ковки и литья
На всех — одна,
Для всех — едина
И все ж у каждого
Своя.
Я с малых лет тебя запомнил,
Когда в мой сон под пенье стрел
Влетали бешеные кони,
Клубы пуская из ноздрей.
И ты
С замуравевшей пашни,
Шелом надвинув на виски,
Глазами Муромца
Бесстрашно
Смотрела вдаль из-под руки.
Потом из песен бабки древней
Под чистый звон лесных ключей
Являлась ты ко мне
Царевной
С голубкой белой на плече.
Да и сейчас еще, Россия,
Ты снишься мне царевной той:
Не выцветает взор твой синий,
Не меркнет волос золотой.
Лишь в строгих линиях портрета
Я различаю все ясней
То гордый нрав
 родного деда,
То нежность
 матери моей.

На поезде

хоть разик прокатиться

И на дома большие поглядеть.

И я пойму

с постыдным запозданием,

Что, набираясь разума и сил,

Я исполненье собственных желаний

Терпеньем вашим

щедро оплатил.

Я в город нынче выберусь пораньше,

Едва ли и неделку протяну,

Острее

от незлобивости вашей

Осознавая давнюю вину.

А дома встречу ваших одногодков,

Завидующих больше, что ни день,

Грибам,

И лесу,

И косовороткам

Мальчишек

из далеких деревень.

Кто налево ушел,
Кто направо,
Словно здесь не земля никому.
Да и ладно.
Хоть сердца не травят,
Коль помочь
Не умеют ему.

Я ночевал под старым виноградом,
Что для хозяев был, как свой лесок.
А поутру я чувствовал, как рядом
Тугие гроздья добирали сок.
Еще с полузакрытыми глазами,
Не скидывая тонких покрывал,
Чуть приподнявшись,

влажными губами

Я дымчатые ягоды срывал.

А на гряде

у древнего колодца,

Горячим светом озаряя двор,
Всходили доморощенные солнца
Налившихся

пунцовых помидор.

Я шел к столу, позевывая сладко,
И что-то баритоном напевал.

Простые люди среднего достатка

Меня опять сражали наповал.

Казался стол и короток и узок

От колбасы, ватрушек и вина,

Со скрипом

прогибалась под арбузом

Ореховой столешницы спина.

Хозяйка же, не слыша возражений, —

И этим по-особому мила —

Полтазика прожаренных пельменей

Пристраивала с краешка стола.

И вспоминались мне родные села,

Где, зная, что такое хлеб и труд,

Тетя Маня не смогла поучиться —
Были слишком уж достатки малы,
И поэтому в районной больнице
Тетя Маня примывает полы.

Натирает половицы — работа! —
Намывает, как родную избу,
И блестят они, как капельки пота
На ее непросыхающем лбу.

Тетя Маня так любила с рожденья
Звезд вечерних золотую красу,
Только чаще видеть
Их отраженье
Приходилось то в ведре,
То в тазу.

До конца ей не сумеешь распрямиться,
Сядет, старая, — и то наклонясь,
Словно треснула давно поясница,
Словно треснула
Да так и срослась.

Никаких прибавок тетя не просит.
Ей и так за добросовестный труд
То под праздничек
На платье подбросят,
То в приказе
Хорошо помянут.

И скоблит она и песенку тянет,
Слышен голос то вдали, то вблизи.
А я думаю:
Не будь тети Мани,
Мы давно бы закупались в грязи.

Обычный ритм
рабочей бодрости в душе,
Двойной запас тепла
и мудрости в народе.
Приезжие
домой уехали уже,
А здешние
давно привыкли к непогоде.

Хорошая жизнь у старухи,
На месте и ноги и руки,
А с ними — внушают ей внуки —
Любая беда не беда.
Спина, правда, малость горбата,
Мяска у костей маловато
Да видят глаза слабовато —
Так, в общем, уже и года.

Ведь все на веку пережито:
Сгорали хоромы и жито,
Годами не ели досыта —
Пришлось попадать в оборот.
Всю жизнь-то она молотила,
Доила, косила, копнила.
Откуда бралась только сила —
Теперь и сама не поймет.

Бывало, жара или стужа —
Война! —

 за себя и за мужа
Тянула, пожалуй, не хуже
Кобылы любой и быка.
Не слабой слыла и не тихой,
Не зря прозвана Огневихой;
А послевоенное лихо
Намяло и этой бока.

За горести все и напасти
Впервой привалило ей счастье:

И пенсию выдали власти,
И хлеба носи хоть мешком...
Дошло наконец, докатилось —
Изба, точно храм, засветилась.
Но долго идет справедливость —
Наверное, ходит пешком.

Теперь-то ей надо немного.
Уже недалёко до бога.
Пораньше бы, может, подмога —
Тогда бы, глядишь бы, авось...
Когда еще елось и пелось,
И сила была, и умелость,
Когда еще жить-то хотелось,
Когда еще жить-то моглось...

Зачем везут меня — не знаю,
Куда везут — не узнаю.
Поет бригада выездная
Какую-то галиматью.
А я молчу.
И агитатор
Гадает, голову склонив,
Кто воспитал меня предвзято,
Какой незрелый коллектив?
Он моему молчанью цену
Поймет,
 когда всех подпевал
Он уведет шуметь на сцену,
А я шмыгну тихонько в зал.
И словно так — всерьез и в шутку —
Развеять мартовскую грусть
К прокуренному полушубку
Подсяду.
И разговорюсь.
Как в деревнях житуха терла,
Да и сейчас гудят гужи,
Как в песнях стало больше горла
И меньше горя и души.
А всю обратную дорогу
Я промычу наверняка,
Остро прислушиваясь к слогу
Бессмертной скорби ямщика.
И агитатор в тихом вздохе
Присядет рядышком, уныл,
Поняв, что в общей суматохе
Опять за мной не уследил.

Зато мой рейс не стал порожним.
Я существом почувал всем,
С кем ездил я по бездорожью,
Куда
И — главное —
Зачем.

Когда, от стужи обессилев,
До сорока упала ртуть,
Решил мороз на всю Россию
Кузнечной хваткою
Блеснуть.
И гребень лемехом багровым
Запыхал у петуха,
И запыхтели все коровы
В свои кузнечные меха.
И снегири
С березы дальней
Взвились, как искры из трубы,
И загудели наковальной
Высоковольтные столбы.
Седой мороз — кузнец бедовый,
Шутя,
Как будто между дел,
Какие звонкие подковы
Кобылам выковать сумел!
Ему и дышится просторно,
И дело спорится в руках.
А отсвет утреннего горна
Горит на девичьих щеках.

И через сито веток — здесь и там —
Березы,

обнажив по локоть руки,

Просеивают снег,

А по утрам

Процеживают солнечные струйки.

ВОЛКИ

Около высохшей елки,
Возле пустынного пня
Топчутся старые волки,
Ждут-поджидают меня.
Ни изготовки к атаке,
Ни завыванья в тиши...
Спроста посмотришь —
Собаки
Самой безгрешной души.

Но не досужие толки —
В силе не главная статья.
Вот научились и волки
В добрые шкуры влезать.
Как убедительно встали,
Как отработали взгляд!
Чуть не виляют хвостами,
Чуть от любви не скулят.

Но на такую наживку
Мне попадаться грешно,
Я узнаю по загровке
Волчью породу
Давно.

Два стосковавшихся братца,
Зубы и когти — на ять.
Жутко вперед подвигаться,
Поздно назад отступить.

Сжать топориче заране,
Левую руку — к ножу:
Я на такие свиданья
С по́лой полóй
Не хожу.

Ты мрачно стригла полотно,
Но, пережившая морозы,
Синица стукнула в окно
И отвлекла тебя от прозы.
И озарило все жильё
Певуньи ранней появленье.
Пушится шапочка ее,
Блестит на солнце оперенье.
А ты глядишь из полутьмы,
И сердце просится наружу,
Забыв кабальный гнет зимы,
Простив ее вражду и стужу.
Так выбегай же на крыльцо,
Довольно здесь дышать угаром!
Пусть бледное твое лицо
С весенним встретится загаром.
Но ты, почти что безучастна,
Сидишь и думаешь опять,
Что вот — пришло такое счастье,
Что можно даже подождать...

И только боль всегда, за всех
Дает возможность оправданья
И ожидаемых утех,
И самого существованья.

Пора, пора скупее дни расходовать.
Необратим их торопливый ход:
И не успеешь толком заприходовать,
Как вписывай уже в статью —
расход.

А мы толчемся все вокруг да около.
Но время не прощает суеты:
Иные и поглядывают —
соколы,
Да очи-то не прежней остроты.

На головы друзей смотрю, и жалко мне,
Что многие из них —
от бурь и гроз —
Просвечивают ранними лужайками
Сквозь жиденькие веточки
волос.

Пора мне быть трезвей, уравновешенней,
Пора поменьше верить в чудеса.
Который год пошел тому, как лешие
Покинули окрестные леса.

А я дурачусь:
Старость далеко моя.
И словно знаю только я один,
В какую осень
яблонька знакомая
Мне яблок молодильных народит.

**И не хочу понять, себя баюкая,
Что небо стало ниже и бледней,
Что вот уж и не слышится ауканья
В зеленой роще юности моей...**

ПАМЯТИ
НИКОЛАЯ РУБЦОВА

I

Потеряем скоро человека,
В этот мир забредшего шутя.
У законодательного века
Вечно незаконное дитя.
Тридцать с лишком лет как из пеленок,
Он помимо прочего всего
Лыс, как пятимесячный ребенок,
Прост, как погремушечка его.
Бродит он по улицам Державы,
Дышит с нами Временем одним,
Уважает все его Уставы,
Но живет, однако,
По своим.
«Как сказал он!
Как опять слукавил!» —
Шепчут про него со всех сторон.
Словно исключение из правил,
Он особым светом озарен.
Только на лице вечерне-зыбком
Проступает резче что ни день
Сквозь его беспечную улыбку
Грозная трагическая тень.
И не видеть мы ее не вправе,
И смотреть нам на нее невмочь,
И бессильны что-нибудь исправить,
И не в силах чем-нибудь помочь.
В нашем мире риска и дерзанья,
Где в чести борьба да неуют,
Эти отрешенные созданья,
Как закаты, долго не живут.

II

За окнами мечется вьюга,
Сквозит предрассветная мгла.
Душа одинокого друга
Такой же бездомной была.
И мне потому — не иначе —
Все кажется, если темно,
Что кто-то под топодем плачет
И кто-то скребется в окно.
Не раз ведь походкою зыбкой,
То весел, то слаб и уныл,
Он с тихой и тайной улыбкой
Из вьюги ко мне приходил.
В тепле отогревшись немножко,
Почти не ругая житье,
Метельные песни ее
Играл на разбитой гармошке.
Гудела и выла округа,
Но он вылезал из угла.
И снова холодная вьюга
Его за порогом ждала.
И слышало долго предместье,
Привычно готовясь ко сну,
Как их одинокие песни,
Сближаясь,
Сливались в одну...

III

Милый друг мой,
Прощаясь навеки,
В нашей горькой и смертной судьбе
Всею силой, что есть в человеке,
Я желаю покоя тебе.
Оставаясь покамест на свете,

Я желаю у этих могил
Чистых снов, тишины и бессмертья.
И любви.
Ты ее заслужил.

В лесу, как в хорошем доме, —
Живи, отдыхай и усердствуй:
Отрадно и вольно — уму,
Раздольно и радостно — сердцу.
Опоры жилища крепки,
Основы его неизменны,
Не давят с утра потолки,
Не жмут просмоленные стены.
И мы — лишь рассеется тьма —
Все чаще, смелей и охотней
Свои покидаем дома,
Чтоб в этом вздохнуть посвободней.
От скуки былой — ни следа,
От счастья мурлычем и млеем,
Но что же нас тянет сюда —
Понять до конца не умеем.
А свет наливается здесь,
И звук серебрится и тает.
Здесь жизнь неподдельная есть,
Которой нам так не хватает...

* * *

Какая-то прозрачная печаль,
Печаль недолговечности живого,
Она коснется, словно невзначай,
Себя не обозначив даже словом.
И я пойду на тайный зов ручья,
Чтоб убедиться в явности рассвета,
В существованье дождика и ветра,
А через них —

и собственного я.

Вновь помолчу,

забыв про бег минут,

Над листьями, оборванными ветром,
И постою у вымахавших кедров,
Которые меня переживут.

И я пойму, быть может, до конца,
Себя окинув с грустью неизменной,
Ничтожность смерти

одного лица

Перед лицом бессмертия Вселенной,
Где век пройдет — но вспыхнут зелена,
Мир с наслажденьем повторит основы
С одним лишь упущеньем пустяковым,
Что он забудет повторить
Меня.

Ничего не требуя от бога,
Уважая землю и траву,
Со своей заботой и тревогой
Под созвездьем Радости живу.

Правда, без хлопот и песен женских
Уставая киснуть и чернеть,
Все топорщат крылья занавески
И грозятся с окон улететь.

Только знаю: поздно или рано,
Наскучавшись в призрачном раю,
Убежит красавица с экрана
В комнатенку бедную мою;

И запахнет утро чистым снегом,
Зайчиком запляшет на стене,
И пожить любимым человеком,
Может, посчастливится и мне.

А распорядится по-другому
Подлая судьбина на беду —
Все равно к ночному водоему
С кирпичом на шею не пойду.

Укрепляя нервы не на треках,
Сквозь огни и грозы, прямым,
Мы ходить по жестким травам века
Выучены с детства
Босиком.

**И в любую стужу и ненастье
Так же дни и ночи напролет
Мы искать до смерти будем счастье.
А несчастье
Нас само найдет.**

КОСАЧ

Раскатист в апрельском морозе,
От крови взыгравшей горяч,
На самой высокой березе
Заходится в страсти косач.
От нежности к голенькой кочке,
От веры горластой в судьбу
Почти распускаются почки
В набитом до звона зобу.
Звучит на заре поднебесье,
Но доля певцов тяжела:
На каждую новую песню
По три браконьерских ствола.
Косач горячится, не зная,
Что в тихое утро весны
У первого в жизни признанья
Минуты уже сочтены.
Не в силах сдержать вдохновенья,
Законам земным вопреки
Он верит:
На песнь откровенья
Никто не поднимет руки.
Неопытных лет пережитки...
Душа, восхищайся и плачь:
Твои повторяет ошибки
Башку потерявший косач.

МАЙСКАЯ СВАДЬБА

На самом видном месте,
На месте молодых —
Со скромною невестой
Внимательный жених.
Пока что гости робко
Приподнимают взгляд,
Наполненные стопки
Нетронуты стоят.
Но это лишь сначала...
Так было и вчера.
И кто-то замечает,
Что вроде бы —
Пора.
И гости над столами
Встают во цвете дня,
И чокаются лбами
Стаканчики, звеня.

...Но попили — и хватит,
Пора передохнуть.
И разомлевший баян
Берет баян на грудь.
И — нет сидящих чинно,
Баян вздохнул — и
враз

Веселые мужчины
Сорвались в перепляс.
И вот горячий кто-то,
Не дожевав пирог,
Взлетает рыжим чертом
Под самый потолок.

А что случилось позже —
Я даже рот открыл,
Когда, взглянув моложе,
Со стажем маляры
Вдруг деньги на пол бросили
На счастье молодых
И «нашенскую» после
Пошли дробить на них.
Кидали — не жалели —
Рубли под дробный гром:
«Мол, что мы, в самом деле,
Не для рублей живем».
На них плясали с толком,
Как будто денег тут
У всех и вправду столько,
Что куры не клюют.

«Вы послушайте меня,
Удалого мальчика:
В жизни девушки не то,
Что на фотокарточках».

А на кухне давно
Бабушки сидели,
Не тянули вино,
А в окно глядели.
И одна, весела,
Говорила с чувством:
«Ты бы, сваха, взяла
Пирожка с капустой».
На крыльце пили чай
Трое трезвых женщин:
«Вот и свадьба,
И Май,
И расходу меньше».

Но от них я ушел
В комнату, где удаль,
Где плясал даже стол
С голубой посудой.
Где легко и светло,
Только места мало,
Где невеста

метлой

Деньги заметала.
А потом я домой
Шел дорогой вязкой,
И гремела за мной
Свадебная пляска.
Там я был, пиво пил
И жевал салаты,
И домой уходил
Снова неженатым.
Не унес, затая,
Черепка в ладонях.
И по-новому я
Этот праздник понял.

Ребята приходят с работы,
Легко на душе у ребят.
О завтрашней плавке
Охотно
Они меж собой говорят.
Потом,
Родниковой струею
Смывая усталость и пот,
Своих некрикливых героев
Приветствует водопровод.
Прохладную влагу радушно
Он сыплет в ладоши ребят.
Ему

для таких простодушных
Ни капли не жалко себя.
На фырканы парни не скупы...
А мать расставляет на стол
Тарелки горячего супа
С душистым лавровым листом.
И все же горяч он некстати:
Ведь их поджидая давно,
В цветастых фасонистых платьях
Девчонки стоят у кино.
Они до гулянья охочи,
А значит, парням, как всегда,
Домой приходиться поздней ночью
И — через окно попадать.
Наощупь
Усталым движеньем
Небрежно раскинуть постель —

За столько лет совместной жизни,
И общих дум,
И общих снов
Для дорогой моей Отчизны
Я не нашел достойных слов.
Хотя — как равный среди равных —
Я здесь и маялся и жил,
И пусть недолго,
Но исправно
Ее знаменам послужил.
Не зря холмы и все березы,
Заносы все и полыньи,
И засухи ее,
И грозы
Я принимаю как свои.
А мне внушается с искусством,
Упомяну об этом лишь,
Что целомудреннее чувство,
Пока его не обнажишь.
Ах, как пристало просвещение
Притворцам разным искони.
Ведь как живое воплощение
Своей теории — они.
Я в эти вглядываюсь лица
И вновь тревожусь неспроста:
Что за молчанием таится?
Добро, коль только пустота...
А может, им необходимо,
Скрывая истинную суть,
Детей
От матери родимой

Любою силой
Отвернуть?
Пусть нет такой на свете силы,
Чтоб сбить нас с верного следа,
Но я хочу,
Чтобы Россия
Об этом
Помнила всегда.

**Но подступившие годы
В двери стучат тяжело:
Кончилось время свободы,
Время расплаты пришло.**

РОДНОЕ

За годы я кругов наделал...
В судьбе, скитальческой досель,
Каких не видано пределов,
Каких не встречено земель.

Сады, открывшиеся глазу,
Дворцы и замки на воде...
Теперь и вспомнишь-то не сразу,
Когда увидел,
С кем
И где.

Чужие горы или дали,
Не раз похваленные вслух,
Самой души не задевали,
Хоть и захватывали дух.

А вот — изба.
Вот — кадка в сенцах.
Да луг.
Да лошадь у пруда.
А все вошло однажды в сердце
И в нем осталось
Навсегда.

ПОЭМЫ

ЛИПОВИЦА
(*Лирическая поэма*)

1

К родному дому топаю по пыли,
Со всех сторон облаянный опять,
Меня собаки старые забыли,
А молодяжкам
Неоткуда знать.
Порог оброс могучею крапивой,
В ней нынче свой гарем пасет петух.
А дом стоит.
Целехонек на диво.
Все сохранилось.
Лишь очаг потух.
Сосед рукою машет из окошка:
«Входи, мы закруглили сенокос.
Все на столе: и грузди, и картошка,
Пора цеплять к закуске паровоз».
Но нет охоты прежней веселиться
И, вскинувшись, бежать на первый крик.
Мне лучше там,
Где вечно копошится
С потрепанною упряжью
Старик.
«Что, потянуло к липовицкой травке?
Старуха, нацеди-ка нам кваску,
Нашарь да вынь остаток из-под лавки,
Да вышпарь прошлогоднюю треску».
Он все чудит:
«А мы живем не худо.
По пьянке сын острижен догола.
Медвежий угол вот,
А и досюда,
Как видишь, мода новая дошла».

И долго смотрит он при свете солнца
На огороды в прутьях лебеды
И снова —

на протухшие колодцы,

Где десять лет

Не черпали воды.

Где, слушая вздыхающие деревца,

Оставленные избы и сейчас,

Как раненые в клиниках надеются

И ждут, когда повязку снимут с глаз.

«А ты, отец, погрел бы гостя в бане, —

Старуха из угла отозвалась. —

Да у него, поди-ко, и в стакане

За разговором плесень завелась».

Все это помню, кажется, с пеленок:

И бабушку, и баньку у реки,

Потрескиванье каменки каленой

И веника чистового шлепки.

Старик, что паровик перегруженный,

Попыхивает, лежа на досках:

«Вот даже пар какой-то стал тяжелый,

А ведь кваску на каменку плескал».

И голосом раздумчивым и хриплым:

«А как, бывало,

парилось в страду,

Когда еще на Липовице

Липы

Настаивали воздух на меду.

Вокруг деревни людной — ты подумай —

Они цвели во всей своей красе...

Никто не слышал их ночного шума,

Зато дыханье чувствовали все».

А мне давно не терпится услышать

Однажды упомянутую вскользь

Историю, которая здесь вышла,

Понять, с чего здесь дело началось.

Когда-то мужики — не без умишка,—
Примерясь,
На последние рубли
Срубили у болота
Три домишка
И Липовицей славно нарекли.
Дышало лето зноем и покоем,
И паренек смотрел во все глаза,
Как ласточка кружилась за рекою
И над водой висела стрекоза.
А мужики,
В подзол пуская корни,
Морошковые дни хвалили всласть:
«Не будет хлеба —
Ягода прокормит,
И речка с лесом
Не дадут пропасть».
Не зря трещали подлые сороки:
Катились грозовые к сердцу сроки,
И, вытерев испарину на лбу,
Перекурить усевшись на пороге,
Те плотники деревне,
Как пророки,
Предсказывали точную судьбу.
Война сусеки выметет до крошки,
И вновь для голодающих ребят
Спасительные ягоды морошки,
Как солнышки,
Болота озарят.
Уйдет с овсом последняя подвода,
Последняя кобыла рухнет в грязь,
Но не позволит русская природа
Родимым людям
С голоду пропасть.

Она усыплет ягодой пригорки,
Она посадит — вся протест и бунт —
На каждую березу — по тетерке,
Под каждую осину — по грибу.
А липы, видя маянья народа,
Равняясь на его голодный труд,
Последнюю — с горчинкой — каплю меда
Пчеле мобилизованной сдадут.
И Липовица в яростном усилье
Закусит, изнуренная, губу
И, как всегда,
По-честному с Россией
Картошину разделит
И судьбу.
И над ее кладбищами, не мята,
Качаться будет скорбная трава,
А в сорок пятом и ее солдатам
Отсалютует майская Москва.
Придут иные беды и заботы,
И грязи будет выше голенищ.
Но жарким хмелем пахнувшие соты
Покроют горький запах пепелищ.
И поплывут, густея и тревожа.
Но вскорости
В соседних поясах
Понадобится будто бы рогожа, —
И липы постареют на глазах.
А небеса качнувшиеся охнут,
Надломится осока над ручьем.
Ободранные липы быстро сохнут
И больше не притягивают пчел.
Но все ж, дыша безгрешно и целебно,
Каким-то чудом тех далеких пор
Единственная липка уцелеет.
Как память.
Как надежда.

И укор.

Она за всех одна, в ветвях разлапых
Цветы, как драгоценность затая,
Поддерживать возьмется добрый запах
Недавнего покоя и житья.

И, умываясь росами с восходом,
Она не будет долго понимать,
В июне исходя тоской и медом,
Что ульев стало
Некому держать.

3

Молчали мы.

Внизу река шумела
И пенилась. Как будто повесть ту
Пересказать по-своему хотела —
Уже с веселым камушком во рту.
Но вот старик, вздохнувши грудью хилой,
Надумал что-то выразить, кажись:
«Немало мне потребовалось силы,
Чтобы прожить на этом свете жизнь».
И больше не пошевелил губами,
А только бросил около ворот:
«Ты не ложись на сено после бани,
Боюсь, что ночью
Иней упадет».
Но за окном то выл холодный ветер,
То плакал, то насвистывал в кулак.
Я слышал, как в стекло скребутся ветки,
И вглядывался долго в полумрак.
А утром я не мог сдержать улыбки,
Поняв, что это шумно и давно
Три тонкие молоденькие липки
Заглядывают в низкое окно.
Старик не разделил моих восторгов,
Но, чуя мой неспящий интерес,

Он посмотрел внимательно и строго
И приказал мне собираться в лес.
От взглядов и больших путей в сторонке,
От ручейка лесного невдали
Две младшие беспечные сестренки
Моих знакомиц утренних
Росли.

Старик увидел их и словно ожил:

«Я приглядел давно уж,

Но пока

До времени сестричек не тревожу,

Хочу, чтоб прижились

Наверняка.

Дождусь, когда начнут сезон на белок

И градус твердо двинется к нулю.

Ты что их заобсматривал, как девок?

Уж больно приглянулись — уступлю.

Посадим под передние окошка,

Глядишь, и станет — смолоду близка —

К порогу позаметнее дорожка,

А в сердце поизбывнее тоска».

Стояло небо осени над нами,

Какой-то жук по корню проползал.

Старик не очень ладил со словами

И главное —

глазами досказал:

«Нельзя, чтоб затянуло память мглою.

Смотрите, жутко будет в кой-то час

Родством гордиться с дедовской землею,

Когда она совсем забудет вас».

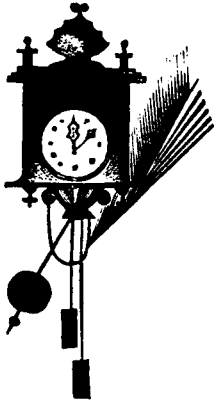
4

Не бойся, не тревожься, старый конюх,

Оставленный на тихом берегу.

Я заповедь твою не просто помню —

Теперь уже не помнить не могу...

Там был сантиметровыми щелями
На половицы разлинован пол.
Видать, большак
Разутыми ногами
По ним давно
Последний раз прошел.
Хозяйка стопки вытерла устало,
Подогревая чаем разговор,
И на печи
Из валенка достала
Пригретый недозревший помидор.
Я скоро знал размер ее «получки»
И что она из тех, кто посейчас
Последние запасы вышлет
Внучке,
Перебиваясь сам с воды на квас.
А чтобы мир обрести
в небесном царстве,

Старуха
У кладбищенских ворот
Из пенсии,
Что дало государство,
На водку
Побирушкам
Подает.
И счастлива в любую непогоду
До главпочтамта заметать листву,
Пока нужна,
Хотя бы раз в полгода,
Своим —

пускай грошовым —

переводом

Единственному в мире существу.
Оно в Москве.
Но, у окна дежуря,
Старуха вдруг увидит внучку:

Вот,
Как будто под зеленым абажуром,
Светясь,

она под зонтиком идет.
Иль в отсветах июльского заката
С концерта
Со взъерошенным юнцом
Легко плывет под «Лунную сонату»
В избушку с покосившимся крыльцом.
Старуха долго водит мутным оком...
И так бывает рада —

до тоски —

На полстранички
Торопливым строкам
Родной,
Но изменившейся руки.
Но письма — что?
Лежат они на полке
Средь пузырьков и пыльных букварей...
От писем, в общем, радости недолги,
А горечь одиночества —

острей.

И плакать вслух старуха не решаясь,
Почует знобко пустоту в избе
И вдруг —

полуосознанную жалость

Впервые за прожитый век —
К себе.
Всегда свои дела,
Свои заботы...
Вот с громом
Стороной и пронеслись
Следы от реактивных самолетов,
Как сердца не коснувшаяся жизнь.
Кому хорошим словом пособила,

Напомнила приветливостью мать?..
Калеке, пострадавшему от мины,
Снеси в палату
Кисточку рябины —
И то бы легче было вспоминать.
Но каждый раз чего-нибудь мешало:
То нет свободных и пяти минут,
То ягод народится
слишком мало,
А то дрозды
До срока обклюют..
Одно добро, что внучку ублажала!
Так ведь и здесь, —
коль правды не тая, —
Лишь потому, что кровь-то
Не чужая,
Не хромого соседа,
А — своя.
Своя кровинка..
Старую спросить бы
Перед соседом, битым наповал,
А он за бабу
Как за часть России
Чужую кровь-то, что ли, проливал?
Пока она, ревнивый страж покоя
Беды своей
И радости своей,
Ольховыми штыками частокола
Угрюмо заслонялась от людей.
Тогда она еще владела силой,
Работала, коль надо, за двоих.
Сама в нужде
К соседям не ходила
И к дому
Не приваживала их.
Они и нынче с нею не повздорят.

Где некому
Собрать в дорогу будет
И некому
Слезой помянуть...

СЛАВЯНКА

(Поэма)

В Павловском парке под Ленинградом есть район двенадцати дорожек, на центральной площадке которого размещены по кругу двенадцать бронзовых античных статуй, отлитых в XVIII веке российскими мастерами по моделям выдающегося скульптора Ф. Г. Гордеева. Во время оккупации немцы хотели вывезти в Германию эти художественные сокровища. Старые люди о том времени рассказывают много удивительных историй.

Одну из них вспоминают особенно часто...

Шумит,
Всю ночь шумит старинный парк,
Качаются скрипучие деревья.
Какие-то легенды и поверья
Тревожат их, когда густеет мрак.
Река Славянка
В тяжком полусне
Замечется, замечется среди ночи,
Потом бессвязно что-то забормочет,
И ей ответит филин в стороне.
А на холме,
Где горбится трава,
Вдруг словно бы земля зашевелится,
И затрепещет мерклая листва,
И закричит испуганная птица
И унесется с хлопаньем во тьму,
Закружит над развалинами башен,
Где так неясно все
И потому
Любой булыжник
сумрачен и страшен.

Останется и, выйдя на простор,
Поднимется над всем былым и сущим,
Как поколениям нынешним укор
И как предупреждение — грядущим.

★

Ничто теперь стереть не сможет
В горящей памяти моей
Двенадцать узеньких дорожек —
Двенадцать солнечных лучей,
Что разбегаются в порядке
От круглой праздничной площадки,
Чтобы замкнуться снова вдруг
Уже в большой песчаный круг.
Как колесо зари-зарницы,
Блестает утром этот вид,
Где золотой певучей спицей
Дорожка каждая горит.
И ось всего, конечно, он —
Властитель солнца — Аполлон.
Он свет несет самой природе,
И кажется нам потому,
Что от него лучи исходят
И возвращаются к нему.
И Музы, дрёму отряхая,
С призывной нежностью в очах
В его купаются лучах
И по нему тайком вздыхают.
К чему искать тому причины?
За миновавшие века
Безукоризненной мужчины
Не обнаружилось пока.
А Музы глаз не лишены
И — покровителю верны.
В их тесном круге нет раздора,
И не случайно с вешних гор

С цветами к ним спустилась Флора
И загостилась до сих пор.
И — вся как вызов жизни серой —
Достойных здесь найдя подруг,
Прекраснобедрая Венера
Собой замкнула этот круг.
Но, нарушая все каноны,
В какой-то летний день зеленый,
Открывшимся поражена,
К подругам верным Аполлона —
Жива, глазаста и смышлена —
Еще прибавилась одна.
Она вошла сюда несмело,
Как будто в сказку-забытье.
По банту крупному горело
В косичках рыженьких ее.
И с миром древности высокой
Необъяснимую
Глубоко
Она почувствовала связь,
Хотя вошла сюда впервые
В такие годы голубые,
За руку мамину держась.
И здесь
 в младенческом восторге
Ее —
 прозрачное насквозь, —
Как саночки по снежной горке,
Счастливо детство пронеслось.
Ах, как она благодарила
Судьбу,
 которая взяла
И всю отцову службу тыла
Как есть сюда перевела.
...С тех давних пор сошло немало
Снегов, промчался их поток,

И пар пятнадцать истоптала
Она в скитаниях
Сапог.
Но как бы ни был страшен холод,
И крюк велик,
И путь далек —
Всегда отыскивала повод
Заехать к Музам на денек.
И в парк,
Прямехонько с вокзала
Она являлась поутру.
Ах, как Славянка ликовала,
Свою приветствуя сестру,
Которую, встречая рано,
Бывало, павловский народ
Кто просто Ньюрою,
Кто Анной,
А кто и Ньюшкой назовет.
Вставало летнее светило,
В душе разбуженная сила
Справляла с солнышком родство.
И долго женщина бродила
Над речкой детства своего.
А перед ней —
Что ни дорожка
И что ни новый поворот —
То Музы бронзовая ножка,
То римский профиль промелькнет.
Казалось бы, такая малость,
Туманный отблеск вечных звезд...
А сердце снова поднималось
До восхищения и слез.
Стократ и ранено и бито —
Горело нежностью с утра,
И забывая все обиды
Желало миру лишь добра.

И, обживая эти дали,
Давным-давно и сами стали
Ее священною землей.
И этот круг, такой чудесный,
В сединах женщине опять,
Как храм под куполом небесным,
Печально было покидать.
...Но вот в одну из здешних улиц
Однажды — чуть ли не тайком —
На жительство она вернулась
С одним сиротским узелком.
И по дворам поплыли слухи,
Все попережку:
Страх и чушь.
Гадали сивые старухи,
На чем «пропал» Анюткин муж?
...Они клеймеными заснули,
Годов тридцатых сыновья:
Предупредила вражьи пули
Опередившая своя...
Но все же старые товарки,
Подняться Анне помогли
И работенку в том же парке
Ей подходящую нашли.
И, торжествуя, ей в углу
Вручили новую метлу.
Теперь от Муз не уезжала
Она подолгу на покой.
Да у нее семьи, пожалуй,
Теперь и не было другой.
И Музы словно стали ей
В замену собственных детей.
Порой она под свод лазури
Сюда вбегала налегке,
А мальчик голенький Меркурий
Стоял с игрушечкой в руке.

И у нее в который раз
Дрожали лучики у глаз.
Потом со светленькою челкой
Ее встречал другой мальчонка.
В нем был стесненным каждый жест,
Лишь иногда он утром ранним
С подобострастным замираньем
Касался бронзовых божеств.
А после тихо шел до дома,
Как будто ждал огня и грома.
А тетка Нюра
Со значеньем
Сюда водила молчунка,
Приняв его на попеченье
От забулдыги-свояка.
Мол, проживет в таком раю,
В неповторимом этом чуде —
Скорей былое позабудет
И душу выправит свою.
И тетки Нюрины подружки
Порой за мальчика брались:
«Ты полюбуйся-ка, Колюшка,
Какой еще бывает жись...»
А Колю звук тревожил каждый...
Он был из тех, кто с острой жаждой
Воспринимает бытие,
Кто, к красоте придя однажды,
Уже не может без нее.
И до конца,
За годом год
То краски трет,
То глину мнет.
И тетя Нюра с честным жаром,
Заметив Колин интерес,
Его улыбкой поддержала,
И (хоть денег всегда в обрез)

Для достижения светлой цели
В ларьке купили акварели.
Теперь, стараясь на приволье,
Она любила наблюдать,
Как братца бронзового Коля
Себе срисовывал в тетрадь.
Так и жила себе она!..
Пока не грянула
Война.

*

Чадили августовские закаты
Угарным дымом низких облаков.
Земля ловила дальние раскаты
Ушами деревянных чердаков.
А утром разносились птичьи трели,
Дымился над Славянкой мокрый луг.
Как до войны, в ветвях зорянки пели,
Но слушать птичек
Стало недосуг.
Другие птицы взмыли в поднебесье,
Кружили с воем тягостным во мгле.
Уже с другим —
Стальным отливом
Песни
Валами заходили по земле.
 «Вставай, страна огромная,
 Вставай на смертный бой
 С фашистской силой темною,
 С проклятою ордой!»
Был сердцем каждый день
За год засчитан.
Рвались фугасы,
Плавился гудрон.
И выглядел особо беззащитным
С колчаном стрел
Бесстрашный Аполлон.

Дрожали Музы под прикрытьем листьев,
Но бог,
Себя умевший не щадить, —
Как ни был благороден и воинствен, —
Бессилен был

от пушек защитить.

И потому, пока огонь орудий
Не преступил последнюю черту,
Спешили измотавшиеся люди
От варваров упрятать красоту.
Мол, если в этой новой преисподней,
Среди разбоя, крови и смертей
Не позволяет враг ей жить сегодня —
Мы сбережем ее до лучших дней.
Не зря же,
Одолеть упрямство сиясь,
Не думая о звоне серебра,
Веками над античным камнем бились,
В бессонницах сгорая,
Мастера.
Чтоб человек, смотря на этот камень —
На вечный вызов тлену и тщете, —
Как раб не трепетал перед богами,
А сравнивался с ними в чистоте.
Ведь мастера, наверно, понимали,
Что сами,
Отказавшись от завес,
Когда владык Олимпа раздевали, —
Их опускали на землю с небес.
А то была особая проверка
В години лицемерия и зла.
Но красота не только не померкла —
Еще земную силу обрела.
Тогда ее подняли над собою
И понесли по свету на щите,
И целые империи

Без боя

Сдавались в плен античной красоте.
И, обжигая душу на морозе,
Исполненные света и добра,
Ее запечатлели в чистой бронзе
Российские большие мастера.
И нынче люди думали тревожно,
На Муз смотря сквозь пыльные листы:
Нам поступиться ими невозможно,
Ведь нам и впредь не жить без красоты.
А если так — мы прожили немало,
Мы опыт предков свято берегли,
И тайника надежней не бывало
Открывшейся отеческой земли.
И Музы,
На людей взглянув прискорбно,
Легли под громы пушечной пальбы,
С холодной молчаливостью, покорно,
Как спящие красавицы — в гробы.
Их схоронили сзади постаментов
И сели отдохнуть на берегу.
Не сомневаясь — счастливым моментом, —
Что сроду не додуматься врагу,
Что у него — да чуть не на подносах —
Сокровища лежат под самым носом.
Земельку на могилах разровняли,
Ровнехонько засеяли травой.
И долго беспокоились:

едва ли

Она достигнет в росте остальной.
Но тут уже взялась сама природа:
Добавила к полуночи тепла,
Лучами обласкала утром всходы
И дождичком под вечер полила.
А лишь окрепла травушка немного —
Как холодом дохнуло с высоты,

И, разметая ветром по дорогам,
Листвой запорошило все следы.
И тетя Нюра с радостью глядела,
Как закружилось все и завилось.
Спасенье Муз —
Почти святое дело —
Неужто без нее бы обошлось!

★

Земля моя, как мне тебя понять —
Влюбленному в снега твои и сосны?
Для всех ты одинаковая мать,
Но почему так дети разношерстны?
Меня съедает горькая тоска,
Что в сомкнутом бедою общем строе
По трусу и предателю пока
Приходится на каждого героя.
Дрожат, хотя ничто им не грозит,
Всегда дрожат за собственную шкуру.
И вот какой-то местный паразит
Ткнул-таки ржавым пальцем в тетю Нюру.
И повели ее, и повели
Меж двух тупых стволов морозной стали.
Дорожки холодеющей земли
Под кованцами недругов дрожали.
Ее вели, а ветер дул в лицо,
Листву крутил у стоптанных сапожек.
Померкло золотое колесо
Заброшенных двенадцати дорожек.
Ее прикладом ткнули: «Поживей»,—
И повернули к липовой аллее.
Забилось сердце вроде посмелее
Под шепот ободряющих ветвей.
Но вот она споткнулась на ходу,
В глазах со светом тьма перемешалась,
И горло пересохло —

Да как-то уронила с печки мать —
С тех самых пор и памяти не стало.
И хохотнула дурочкой в конце.
Но нету веры ей ни на толику:
Общенье с божествами
На лице
Оставило серьезную улику.
И вот ее выводят из дворца,
Ведут туда, к божественным подножьям,
И тут у переводчика с лица,
Пропитанного хитростью и ложью,
Сошла полупрезрительная злость,
Из рыжих глаз сиянье полилось.
Мол, генерал немецкий очень-очень
Ее судьбою вдовьей озабочен.
Он знает, что ей вынести пришлось,
Наслышан и об участи супруга,
И так хотел бы, если б удалось,
Помочь по праву истинного друга.
Он знает, что для бедного пятак...
К обиженным всегда имея жалость,
Он может для нее устроить так,
Чтобы она до смерти не нуждалась.
Но дворничиха,
Старое дурье,
Не понимая важности событий,
Заладила, как пьяная, свое:
«Не знаю, про чего вы говорите».
И ставится вопрос тогда ребром,
И переводчик рубит с раздраженьем:
«Помочь не соглашаешься добром,
Тогда узнай последнее решение:
Не наберешься толку и ума
И статуи не выдашь в наши руки —
Одну из них
Заменишь ты сама,

Других —

приемыш твой, твои подруги».

И небо затуманилось вдали,
И замерло напрягшееся тело.
Слова и до сознания не дошли,
А в жилах кровь уже похолодела.
И расколосось солнце на куски,
И раскачались облачные своды,
И вспомнилось до рези и тоски
То время безогляднейшей свободы,
Когда девчонкой бегала сюда
И шла влюбленной девушкой в печали,
И Музы, словно сестры,

никогда

Ее высокомерно не встречали,
Припомнила —
И будущие дни
Представила до дрожи, до ознобья,
Где постаменты голые одни
Темнеют под дубами, как надгробья.
И у всего такой сиротский вид
(Без Муз вовек не может быть иначе),
И Коля на скамеечке сидит
С тетрадкой в руке и горько плачет.
Он не простит,
Он вспомнит ей не раз,
Как тетка, придержав свою строптивость,
От жребия ниспосланного

враз

Святынями народа
Откупилась.
И ни на чье доверие и впредь
Она уже рассчитывать не вправе,
И с этим жить,
И с этим умереть —
Не выжечь,

Не забыть
И не исправить...
Она взглянула снова на закат.
Не будет на нее никто в обиде.
На немцев подняла усталый взгляд
И головой качнула: «Уводите».

...А утром,
Когда птицы пьют росу,
Снуют меж уцелевших маргариток,
Досталось золотому колесу
Стать колесом средневековых пыток.
Фашисты, багровея от вина,
Его вертели в ярости и злости,
И, местность оглашая,
Дотемна
Хрустели человеческие кости.
Бесились фрицы: что за колдовство?
И колесо раскручивали снова,
Но, выбившись из сил,

ни из кого

Не выжали предательского слова.
И, не боясь господнего суда,
За бронзовую каждую тогда
Фашисты

под ветров истошный вой

Повесили

по женщине живой.

Повесили, раздевши до рубах,
На молодых тогда еще дубах,
И хвастались работою успешной:
Картина впечатлительнее прежней.
Ходили по площадке — грудь горой.
Качались трупы меж ветвей усталых
И пальчиками голыми порой

И сверху вниз,
Откуда-то с ветвей,
Поглядывают кротко и печально.
И вот когда, пронизаны зарей,
Деревья вновь не так больны и хмуры,
Он различает явственно порой
Неукротимый голос тети Нюры.
И вновь пьянит открытье, как вино,
На легком постоявшее морозе,
Что те двенадцать женских душ

давно

Вселились и живут в античной бронзе.
Так вот откуда в Музах столько сил,
Земных страстей, свободы и печали,
Вот почему,
Свои в ряду светил,
Они еще и нам
Своими стали!
А воздух золотится, невесом,
Песочек по дорожкам словно льется,
И катится по жизни колесо,
Сверкая всеми спицами на солнце.
Но вспомнить и сегодня не грешно,
Как над Россией солнце заблестало,
И всем богиням время подошло
Занять
Свои места
На пьедесталах.
Вблизи двенадцати дорожек,
Где при погоде непогожей
Был справлен тот арийский пир,
В земле со дня захороненья,
Как все, ждала освобожденья
Скульптура мраморная — Мир.
И вот служителями парка
Уборка свернута и варка,

С утра покинуто жильё.
Сюда, сюда народ стекался,
Никто, никто не сомневался,
Что надо начинать —
С нее.
Ведь обещаньем жизни, света
Для всех была скульптура эта
Под небом Родины литым,
Она сулила счастье дому
И дорога была любому
Одним уж именем своим.
И потому легко вначале
Лопаты о землю стучали,
Звенели, душу веселя.
Но неприступней стала втрое
От свежей ржавчины и крови
Отяжелевшая земля.
Она как будто в полной мере
Уже боялась Мир доверить
Питомцам горестным своим,
Хоть ветер близкой Пискаревки
Гудел о долгой голодовке
И жертвах голосом глухим.
От напряженья,
Долгой муки
Тряслись у старых женщин руки,
В глазах мутился белый свет.
Дорылись наконец.
И что же!
Мороз... Мороз прошел по коже:
Все доски — тут
Скульптуры — нет.
И, потрясенные, в печали
Молчали женщины, молчали,
Как бы лишившись разом сил.
Не возникало и сомненья,

Что Мир
Во время отступленья
От злобы немец погубил.
Но было все, как прежде было:
И не раскопана могила,
Замет не сбито ни одной.
А приглядеться настояще,
Не стронут даже с места ящик,
А только выломано дно.
Что за таинственная сила?
И Колю словно осенило.
Обычно робок и несмел,
Тут, оказавшись первым в яме,
Он начал землю рыть руками,
И странно взгляд его горел.
И люди поняли без слова
Догадку Колину.
И снова
Ладоням было горячо.
И скоро свежестью пахнуло,
Лишь белым мрамором сверкнуло
Высокородное плечо.
...Художник после много думал
О том трехлетия угрюмом,
Где цвел и правил произвол.
И Мир
Под плач родной березки
Сам продавил локтями доски
И в землю-матушку ушел.
Чтоб не душил кровавый запах,
Чтоб не стонать в садистских лапах —
Пусть лучше камни сдавят грудь, —
Не знать,
Не слышать чуждой речи,
Весь шар земной взвалить на плечи —
А до Победы дотянуть.

И вот она пришла, Победа,
В листву зеленую одета,
Пришла в короне майских гроз,
Явилась с полной чашей счастья,
Надежд, и славы, и согласия,
И бурной радости, и слез.
Но до нее не каждый дожил.
И нынче памятен до дрожи
Обряд военных похорон.
И видеть лишь дано счастливым,
Как синь на солнце золотится
И Мир
На место
Возвращен.
В нем та же стать
И та же воля,
И доброта ржаного поля,
И тишина морских глубин.
Но только больше, чем когда-то,
Лицом похожий на солдата
Стал этот Мир.
Из-за щербин.
А возле ног его, как ранка,
Сочится тихая Славянка,
Тальник прибрежный шевеля.
Порою в сумраке зеленом
Она вздохнет —
И долгим стоном
Ей вторит русская земля.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРИСТРАСТИЕ

«Прекрасно однажды в России родиться...»	7
«Какая даль лежала предо мной...»	8
«Кому чего, как говорится...»	9
«Не вдруг и не сразу поймется...»	10
«Я для сосен, видно, создан...»	11
«Какое все-таки блаженство...»	13
«Музыка льется с небес...»	14
«Лишь петухи стряхнули сон...»	15
«На минутку, только на минутку...»	16
«Природа пробуждается от сна...»	17
«Река работала, как лошадь...»	18
«В густой траве речной излуки...»	19
«Ее детей убили на войне...»	20
«В эти лучшие недели...»	22
Рыбацкое	23
Деревья	24
«О, сколько в солнышке лукавства!...»	25
«Откуда сразу столько света...»	26
«О, если б мы, добры и чутки...»	27
«Пади да болота...»	28
«Раздетый лес шумит неподалеку...»	30

ЖЕЛЕЗНОЕ РУСЛО

«Ребята из Средней России...»	33
«Не чья-то властная немилость...»	34
Ученья	36
«Такое катилось над горкой...»	37
«Мы моем пол и помним о порядке...»	39
«Казарма пахнет не духами...»	41
«Нынче снова дождь хлестал по окнам...»	42

«И даже если в гневе Север Крайний...»	43
«За тяжкий груз шинели серой...»	45
Солдатская шутка	47
«Матери рожают не солдат...»	48
«Месяц в небе, как странник горбатый...»	50
«Мир стал объясним и обычен...»	51
Тревога	52
«Страдалицы поветрий и простуд...»	53
Последние сапоги	55
«Как бы собравшись вдруг в иные страны...»	56
«Еще притихшим и помятым...»	57
«Под небом полярным, где глухо и топко...»	59

ПОРА

Жребий	63
«И уважение, и честь...»	64
«Я в прошлое гляжу нередко...»	65
Россия	67
Мальчишки из далеких деревень	69
«Рос бледнолицым брат мой и тщедушным...»	71
«Я булыжную осень оставил...»	73
«Идут груженные машины...»	75
«Я ночевал под старым виноградом...»	76
«Тетя Маня не смогла поучиться...»	78
«На родине моей пустынно и светло...»	80
«Хорошая жизнь у старухи...»	82
«Зачем везут меня — не знаю...»	84
«Когда, от стужи обессилев...»	86
«Вы знаете: у нас уже зима...»	87
Волки	89
«Ты мрачно стригла полотно...»	91
«Зови меня к себе, зови...»	92
«Пора, пора скупее дни расходовать...»	94
Памяти Николая Рубцова	96
«Столбом стоит и пыль и дым!...»	99

«В лесу, как в хорошем доме...»	100
«Какая-то прозрачная печаль...»	101
«Ничего не требуя от бога...»	102
Косач	104
Майская свадьба	105
«Ребята приходят с работы...»	108
«За столько лет совместной жизни...»	110
«Кончилось время свободы...»	112
Родное	114

ПОЭМЫ

Липовица	118
Одна	126
Славянка	134

ВИКТОР ВЕНИАМИНОВИЧ КОРОТАЕВ

СОЛНЕЧНАЯ СТОРОНА

Книга стихов и поэм

Редактор А. Москвитин

Художник В. Сергеев

Художественный редактор Б. Мокин

Технические редакторы Л. Анашкина, Л. Дунаева

Корректоры О. Голева, Н. Попова